ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТАРНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Покатов Д. В.

доктор социологических наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего кафедрой истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Россия), 410056, Россия, г. Саратов, ул. Е. И. Пугачева, д. 44/52, кв. 137, dvpokatov@gmail.com

УДК 316.334.3
ББК 60.561.3

Цель. Данная статья посвящена анализу специфики политической элитарности как особого социального явления и базовых тенденций её трансформации в условиях перехода к обществу постмодерна.

Методы. Исследование концентрируется, прежде всего, на теоретическом осмыслении феномена политической элитарности общества и базируется как на общенаучных методах (дедуктивном, индуктивном, анализе и синтезе), так и специально-научных, в том числе, сравнительно-историческом, институционально-матричном (применительно к изучению форм рекрутирования элит) методах.

Результаты. В статье дается характеристика особенностей политической элитарности, выявляются её основа, профессионально-творческий потенциал, и базовые составляющие, объединяющие личностные характеристики, статусно-функциональные признаки, а также социодуховные черты. Рассматриваются важнейшие тенденции, обусловливающие трансформацию политической элитарности в условиях перехода к стадии постмодерна в общественном развитии.

Научная новизна. Определены и проанализированы не только базовые составляющие политической элитарности современного общества, но и раскрыты социальные факторы и механизмы их трансформации в условиях перехода к обществу постмодерна. Прежде всего, это относится как к особенностям ряда социальных слоев и групп, образующих социальную структуру современного общества, и выступающих социальной основой элиты, так и к самому процессу политического рекрутинга.

*Ключевые слова***:** элита, политическая элитарность, общество, постмодерн, трансформация.

POLITICAL ELITISM IN POSTMODERN SOCIETY: EXPERIENCE OF THE SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Pokatov D. V.

PhD (Sociology), Assistant Professor, Acting Head of the Department of History, Theory and Applied Sociology, National Research Saratov State University named after N. G. Chernyshevskiy (Russia), ap. 137, 44/52 Ye. I. Pugachev St., Saratov, Russia, 410056, dvpokatov@gmail.com

Purpose. This article is about the analysis the specifics of the political elite as a specific social phenomenon and the basic trends of its transformation in the transition to a postmodern society.

Methods. The study focuses primarily on the theoretical understanding of the phenomenon of the society political elite and is based both on scientific methods (deductive, inductive, analysis and synthesis), and specially-research, including comparative historical, institutional matrix (with respect to the study forms of recruitment of elites) methods.

Results. The article describes the features of the political elite, revealed its foundation, professional creativity and the basic components of combining personal characteristics, functional status and symptoms, as well as socio spiritual traits. Author considered the most important trends that contribute to the transformation of the political elite in the transition to the postmodern stage in social development.

Scientific novelty. Author identified and analyzed not only the basic components of the political elite of modern society, but also revealed the social factors and mechanisms of their transformation in the transition to a postmodern society.

© Покатов Д. В., 2016

First of all, this applies to the characteristics of a number of social strata and groups that make up the social structure of modern society, and extending the social basis of the elite and to the process of political recruitment.

Key words: elite, political elitism, society, postmodernism, transformation.

Происходящие в современном обществе трансформационные процессы затрагивают многие социальные явления. Не является здесь исключением и развитие различных элитных групп, прежде всего, политической элиты, занимающей ведущие позиции в социальной структуре. Как известно, теория элиты имеет давние истоки. Отдельные элементы элитарных парадигм можно обнаружить ещё в философских учениях Конфуция, Платона и Аристотеля. Классические социологические теории элиты были заложены западными социологами Г. Моска, В. Парето и Р. Михельсом. Вместе с тем, сегодня можно с уверенностью говорить, что хотя В. Парето и употребил в 1887 году само понятие элиты, задолго до него характеристику правящего класса применительно к интеллигенции дал в своем фундаментальном труде «Политика как наука», изданном в 1872 году, известный отечественный социолог, представитель теории органицизма А. И. Стронин [1].

В современной теории элиты, как известно, даются разные её определения. Представители меритократического направления в изучении элит видят в ней сравнительно небольшую социальную группу, включающую специалистов, имеющих достижения в какой-либо сфере деятельности, и обладающих высоким морально-нравственным потенциалом [2, с. 26]. Сторонники позиционных трактовок элиты определяют её как особый слой общества, который объединяет лиц, достигших наивысшего уровня компетентности и занимающих высшие статусные позиции в обществе [3, с. 74–286].

В целом, основываясь на интегральном, полипарадигмальном подходе, элиту можно определить как активную и наиболее влиятельную в обществе, достаточно неоднородную социальную группу, включающую в себя выходцев из различных социальных прослоек, обладающих максимально выраженным профессионально-творческим потенциалом и располагающих соответствующими ресурсами для воздействия на общество.

В последние годы количество публикаций, отражающих различные аспекты многогранной элитной проблематики, возрастает. Вместе с тем, элитарность, как социальное явление все ещё мало представлена в научных исследованиях. Это в полной мере относится не только к самому понятию элитарности, но и её характерным признакам, особенностям проявления в различных социальных системах, что, несомненно, обусловливает интерес к её изучению.

Элитарность – особое состояние общественной системы, которое можно определить как совокупность ресурсных показателей, идентифицирующих элиту. Их основу образует профессионально-творческий потенциал, синтезирующий личностные характеристики (организаторские способности, навыки творческого мышления, манеру поведения и т.д.), статусно-функциональные характеристики (элитарное образование, профессионализм, опыт и характер деятельности в той или иной сфере общественной жизни и т.д.), социодуховные черты (элементы элитарной культуры).

В целом, данный потенциал весьма неоднозначно проявляется в различных элитных группах. В духовной сфере приоритет имеют личности, обладающие, прежде всего, наивысшими социодуховными показателями, в том числе, творческими, морально-нравственными и интеллектуальными задатками, креативностью. В экономической сфере предпочтительны такие функциональные характеристики, как деловые качества руководителя, опыт хозяйствования. Политическая элита ориентирована, прежде всего, на власть, знание политики и механизмов принятия политических решений, и, следовательно, должна обладать политическим профессионализмом, который можно определить как высокий уровень соответствующих (в первую очередь, политико-профессиональных) знаний, административного опыта, организаторских способностей и навыков, творческого мышления, проявляющихся в использовании их в политической практике и решении стоящих перед обществом задач [4, с. 86].

Показатели элитарности достаточно различны не только в отдельных элитарных группах, но и в общественных системах. Значительная трансформация политической элитарности происходит в условиях перехода к стадии постмодерна в общественном развитии. Состояние постмодерна ряд исследователей справедливо определяет как комплексное состояние общества, отраженное в культуре, политике, науке и связанное с господством информационного производства, смешением культурных архетипов, девальвацией ценностей, суть которого – в возрастании значения высоких технологий, виртуализации экономики и политики, росте стохастической неопределенности [5, с. 103].

Общественная нестабильность, сменяемая периодами стабильного развития, порождает разноплановость элитных показателей, стирание границ, определяющих основу профессионально-творческого потенциала

элитных личностей. Как уже отмечалось выше, одним из важных его показателей является высокий уровень и качество профессионального, прежде всего, политического, юридического, либо гуманитарного образования, о чем писали в своих трудах классики мировой и отечественной социологии Ч. Р. Миллс, Б. Н. Чичерин, Н. И. Кареев и др. Как показывает западный и отечественный опыт, наличие профессионального образования пока не стало типичным для представителей политической элиты. Так, в США только 6% элитных деятелей имеют гуманитарное образование, в Германии – 2%, а в Нидерландах нет ни одного государственного служащего с гуманитарным образованием. Несколько лучше обстоят дела с юридическим образованием. Так, в разное время среди законодателей США в палате представителей был 51% юристов, в Англии к ним относились 21% парламентариев [6, с. 229].

В российской политической элите, как показывает анализ 650 биографий представителей федеральной и 80 региональной элиты, общее число гуманитариев составляло 18,7%, экономистов – 13%, юристов – 11,7%, социологов – 8%, в то время как политиков-технократов насчитывалось 50% политических деятелей [7]. Такие образовательные показатели, конечно, не были случайными, поскольку в значительной степени политическая элита концентрировала в своем составе политиков со значительным административным опытом. Данное явление характерно как для западных стран, так и (в большей степени в силу традиции) для современной России. Применительно к России данная группа представляет собой достаточно сложное социальное образование, в котором, прежде всего, доминируют «хозяйственники», представленные руководителями предприятий военно-промышленного и агропромышленного комплексов, менеджерами государственных и негосударственных фирм, административными служащими федеральных и региональных органов управления. На современном этапе их доля в составе российской политической элиты составляет 36% [7].

По сути, преобладание данной категории лиц с сильной административной доминантой во многом предопределяет имеющиеся у представителей современной политической элиты профессиональные показатели. В результате в ней достаточно мало представлены такие важные профессионально-творческие креативные характеристики как неординарность мышления, способность к действиям в условиях энтропии и политическая интуиция. Современным представителям элиты, как справедливо отмечает Н. Б. Биккенин, более свойственно аппаратное мышление, ориентированное на знание и понимание аппаратных механизмов и особенностей функционирования госаппарата, чем государственное мышление, предусматривающее глубокое понимание потребностей и интересов общества и государства [8, с. 227]. Под влиянием трансформационных процессов в политической элитной среде все больше получают распространение политики с предпринимательской (но не интеллектуально-нравственной) основой, культурным провинциализмом, далеким от истинного творчества.

Объективные предпосылки для данных процессов создаются не только вследствие трансформаций, происходящих внутри элиты. Многие из них имеют объективные основы в развитии определенных социальных групп, составляющих социальную структуру современных обществ, их потребностей и запросов, а также процессе рекрутирования элит.

Относительно первого фактора, изменений в социальных прослойках, составляющих базу элиты, можно с уверенностью говорить, что в обществе модерна основу элиты, в частности, в России, составляли первоначально широкие интеллектуальные круги демократически настроенной интеллигенции, которые определялись в разные годы как «разночинцы», «реалисты» (если вспомнить Д. И. Писарева). При этом именно Д. И. Писарев в статье «Реалисты», характеризуя представителей этой группы, писал, что они постоянно стремятся к пользе, под которой понимают, по сути, цель, ориентированную на благо всего человечества [9, с. 22, с. 32–33].

В условиях общества постмодерна, как на Западе, так и в России, во многом социальной основой элиты является не интеллектуальная контрэлита, а различные прослойки «сервис-класса», а также слои, названные Г. Стэндингом «салариатом» и т.н. «квалифицированными кадрами» (profitians), имеющими ряд навыков, успешно выставляемых на рынок и много зарабатывающих в качестве консультантов или независимых специалистов по контракту [10, с. 21]. Именно данные группы, в своем большинстве, как справедливо полагает ряд исследователей, ориентированы на броскость, моду, товарность различных общественных и культурных форм. Их запросы во многом вынуждены учитывать представители современной политической элиты.

Но не только данный фактор, как думается, находится в основе трансформации современной политической элитарности. Важное значение имеет и процесс отбора в данную группу, или политический рекрутинг. Говоря о современной России, отметим постепенно закрепляющийся комбинированный, или эклектичный способ отбора в элиту, связанный с размытостью его критериев, их непубличным характером, нивелировкой меритократических принципов, значительно отличающийся от существовавших ранее в ряде западных и восточных обществ, и бывшем СССР. Если использовать институционально-матричный подход С. Хантингтона и С. Г. Кирдиной, то можно говорить о западной и восточной моделях политического рекрутинга. При этом

западная модель, основанная на рыночной экономике, федеративно-субсидиарной политической системе (пропагандирующей ценности личности, её прав и свобод), была в большей степени ориентирована на формально-рациональные процедуры и установления, учет деловой компетенции. Для восточной модели (куда можно отнести и Россию), где доминирующими становились нерыночная экономика, унитарно-централизованная политическая система, закреплялась система традиционного господства со столь характерными для неё передачей властных функций по наследству, либо отбором, происходящим внутри правящей группы [11, с. 5].

В современной России, как уже отмечалось выше, произошел ряд изменений в системе отбора в политическую элиту. В отличие от прежнего времени уже не требуется определенная социальная принадлежность, сократилось и число формальных требований к претендентам. Некторые из них (здесь можно вспомнить наличие значительного опыта административно-политической деятельности) перестали быть доминирующими, но не исчезли совсем. В составе различных групп современной российской политической элиты часто представлены и политики моложе 30 лет. Широкое распространение получила выборная практика, которая, хотя и имеет ряд недостатков, придает больше легитимности представителям политической элиты.

Также в современной российской действительности стал формироваться новый тип элитной личности, готовой и способной к постоянной мобильности и построению индивидуальной профессиональной карьеры. Доминировавший ранее административный карьерный тип существенно модифицировался и трансформировался в две модели политической карьеры, которые, условно, вслед за американским советологом К. Фармером, можно определить как «естественные» и «искусственные» [12, p. 3].

Первая, естественная, модель карьеры современного элитного деятеля включает в себя такие формы, как профессионально-личностную и административную. Вторая, искусственная, модель концентрирует командный и аутсайдерский (неспециализированный) типы. В современных российских условиях более типичным становится именно вторая модель, характеризующаяся значительной вариативностью, отсутствием последовательных этапов, резкими, во многом скачкообразными карьерными траекториями, в большинстве случаев (особенно в аутсайдерском типе) не связанными с собственно политической сферой. На современном этапе численность таких категорий политиков, представляющих другие сферы деятельности, достаточно велика и составляет 13% (выходцев из корпоративных структур) и 24,9% (из различных прослоек интеллигенции).

В целом, несмотря на такую тенденцию, говорить о стирании границ между элитой и массой, как полагали представители различных социологических теорий постмодернизма и демократического элитизма, не приходится. Парадоксом современного общества постмодерна является то, что политическая элита по-прежнему остается в целом закрытой группой, но внешне стремится показать свою близость к управляемому большинству. Во многом это удается благодаря информационным технологиям, используемым представителями элиты и деятельности СМИ, создающими необходимые имиджи-симулякры.

Одной из наиболее удачно используемых представителями современной элиты постмодерна технологий выступает особый политический дискурс, тиражируемый СМИ. Поскольку в условиях общества постмодерна резко снижается сама значимость целей, их политического обоснования, закрепляемого в программе, данное обстоятельство весьма успешно используют представители современной элиты, обращая внимание, прежде всего, не на содержание программы, а на её идеологическое сопровождение. В этой связи достаточно точно ещё в конце XIX века говорил о роли программ известный западный психолог Г. Лебон: «Написанная программа кандидата не должна быть чересчур категоричной, так как противники могут ею воспользоваться и предъявить ему её впоследствии; но зато словесная программа должна быть самой чрезмерной. Он может обещать без всяких опасений самые важные реформы. Все эти преувеличенные обещания производят сильное впечатление в данную минуту, в будущем же ни к чему не обязывают. В самом деле, избиратель обыкновенно нисколько не старается узнать потом, насколько выбранный им кандидат выполнил обещания, которые собственно, и вызвали его избрание» [13, с. 344–345].

Политический дискурс, в частности, современной отечественной элиты отличается ярко выраженным дуализмом. Для него характерны, с одной стороны, простота, образность, прагматизм и метафоричность, во многом детерминирующие ярко выраженную персонифицированность и делающие его понятным для значительно числа представителей различных социальных слоев и групп. С другой стороны, несмотря на социальную риторику, как представляется, он не является внутренне обоснованным, ставшим базой социальных действий и поведения, а скорее внешне объективизированным, достаточно неоднородным и неоднозначно воспринимаемым большинством населения. Результатом этого и выступает особая форма политической зависимости населения, носящая все ещё внешний, односторонний, формально-обусловленный характер, свойственный во многом для экстенсивного, монолистического типа общественного развития.

Подводя итог сказанному выше, отметим, что происходящие сегодня процессы трансформации

политической элитарности весьма многоплановы, объединяют прямо противоположные тенденции, характерные для общества эпохи постмодерна. Многие из них свидетельствуют не только о сохраняющейся закрытости элиты, но и об увеличивающейся маргинальности показателей данной группы, эклектичности её состава и установок. Переход к инновационной модели развития политических элит возможен только при условии как глубинных преобразований в самой элитной группе, пересмотре её базовых ценностных установок, изменении форм и моделей рекрутирования, усилении меритократических составляющих её профессионально-творческого потенциала, так и существенных изменений в самом управляемом социуме.

Литература:

1. Стронин А. И. Политика как наука. СПб.: Типография Ф. С. Сущинского, 1872. 530 с.
2. Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Левада Ю. А. Проблема «элиты» в сегодняшней России. Размышления над результатами социологического исследования. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. 372 с.
3. Гаман-Голутвина О. В. Политическая элита: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.
4. Покатов Д. В. Профессионализм политической элиты: понятие, критерии, формы проявления // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 6. С. 84–92.
5. Гордеев И. Трансформация власти и политики в эпоху постмодерна и глобализации // Обозреватель – Observer. 2007. № 12. С. 103–110.
6. Елисеев С. М. Политическая социология. СПб.: Нестор-История, 2007. 350 с.
7. Биккенин Н. Б. Как это было на самом деле. Сцены общественной и частной жизни. М.: Academia, 2003. 312 с.
8. Писарев Д. И. Литературная критика: В 3-х т. Т.2. Л.: Художественная литература,1981. 456 с.
9. Стэндинг Г. Прекариат. Новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
10. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000. 213 с.
11. Farmer K. The Soviet Administrative Elite. N.J: Praeger, 1994.
12. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Социум, 2010. 379 с.

References:

1. Stronin A. I. Policy as a science. SPb: Tipografiya F. S. Sushchinskogo, 1872. 530 p.
2. Gudkov L. D., Dubin B. V., Levada Yu. A. The problem of the «elite» in Russia today. Reflections on the results of sociological research. M.: Fund «Liberal Mission», 2007. 372 p.
3. Gaman-Golutvina O. V. The political elite: the milestones of historical evolution. M.: ROSSPEN, 2006. 448 p.
4. Pokatov D. V. Professionalism political elite: the concept, criteria, forms of display // Sotsialno-gumanitarnyye znaniya. 2014. № 6. Pp. 84–92.
5. Gordeyev I. Transformation of power and politics in the era of postmodernism and globalization // Obozrevatel – Observer. 2007. № 12. Pp. 103–110.
6. Yeliseyev S. M. Political Sociology. SPb.: Nestor-Istoriya, 2007. 350 p.
7. Bikkenin N. B. As it was in reality. Scenes of public and private life. M.: Academia, 2003. 312 p.
8. Pisarev D. I. Literary criticism: Three volumes. Vol. 2. L.: Khudozhestvennaya literatura, 1981. 456 p.
9. Standing G. The Prekariat: The New Dangerous Class. M.: Ad Marginem Press, 2014. 328 p.
10. Kirdina S. G. The institutional matrix and the development of Russia. M.: TEIS, 2000. 213 p.
11. Farmer K. The Soviet Administrative Elite. N.J: Praeger, 1994.
12. Le Bon G. The Psychology of Peoples. M.: Sotsium, 2010. 379 p.